

ВЕТКИ РЕАЛЬНОСТИ

Ладодя

Ладодея
Ветки реальности

«Автор»

2026

Ладодея

Ветки реальности / Ладодея — «Автор», 2026

Десять лет назад Лада исчезла. Спустилась в погреб за огурцами — и не вернулась. Её муж Женя обыскал всё в округе. Подруги Василиса и Соня десять лет ставили свечи в церкви и искали её в группах пропавших без вести. Весь мир решил: Лада мертва. Только она сама была жива. В другой реальности. Где у неё другой муж, другие дети, другая жизнь. Где она даже не подозревала, что Женя её не бросал — что он просто остался в другой жизни... А теперь она вернулась. И всё рушится. Потому что погреб оказался дверью. А Лада — не просто путешественницей между мирами. Она умеет создавать новые ветки реальности. Силу мысли, которая превращает в реальные миры. Но у каждой созданной ветки есть цена: память. Сколько жизней можно прожить, прежде чем забудешь, какая из них — настоящая? И что важнее — любовь, которая ждала, или любовь, которая осталась ждать? Книга о том, что реальность — это не то, что с нами происходит. Это то, что мы выбираем помнить. Изображения созданы на платформе "Шедеврум"

© Ладодея, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9

Ладодя

Ветки реальности

Глава 1

За окном барабанил дождь, создавая идеальный саундтрек для вечера сплетен и глинтвейна. На просторной кухне, залитой тёплым светом модных светильников, пахло корицей, дорогим парфюмом Василисы и тем особым, ни с чем не сравнимым ароматом женской дружбы, когда три подруги собираются вместе и мир на два часа перестаёт существовать за пределами их разговора.

Сегодня была годовщина. Ровно десять лет с того дня, как Евгений исчез.

— Я до сих пор не понимаю, как ты его терпела, Ладуш, — Соня драматично отхлебнула вино, едва не опрокинув бокал на белоснежную скатерть. — Ты спустилась в погреб за огурцами, вернулась наверх, а его уже нет! Ни записки, ни вещей. Просто смылся, оставив тебя с ипотекой и этим скрипучим сараем вместо дома. Классический побег труса!

Лада улыбнулась, но улыбка вышла какой-то деревянной. Она посмотрела на свои руки — гладкие, ухоженные, с аккуратным маникюром. Руки женщины, у которой всё хорошо. Руки женщины, которая научилась жить дальше.

А что такое "дальше"? — подумала она вдруг с пугающей ясностью. Это когда ты перестаёшь оглядываться? Или когда просто устаёшь смотреть назад?

— Ой, да ладно тебе, — Василиса махнула рукой, звякнув браслетами. — Зато теперь у тебя есть Олег. Нормальный мужик. Храпит, конечно, как трактор «Беларусь», но зато деньги в дом приносит и детей любит. Егорка вон уже во втором классе отличник, а Анютка такая художница!

Лада кивнула, чувствуя, как внутри разливается привычное, уютное тепло. На втором этаже действительно спали её сокровища: семилетний Егор и пятилетняя Анна. А в спальне мирно посапывал Олег, вернувшийся из командировки и вырубившийся с такой скоростью, что Лада даже не успела рассказать ему про новую акцию в супермаркете.

Этот дом, когда-то старый и обшарпанный, теперь был их крепостью. Капитальный ремонт, тёплые полы, умный дом. Всё было идеально. Кроме одной маленькой, занозистой мысли, которая точила Ладу изнутри ровно десять лет. Женечка. Первая любовь. И первая, самая тупая боль.

Она помнила тот день до тошноты чётко. Они тогда только купили этот дом. Она спустилась в погреб за банкой огурцов, споткнулась на старой ступеньке, больно ударилась коленкой, выругалась и поднялась наверх. А Жени не было. Его куртки не было в прихожей. Машины не было во дворе. Никакой записки. Полиция разводила руками, бормоча про «бытовые срывы», но для Василисы и Сони, сидящих сейчас за её столом, ответ был очевиден: он струсил. Он не выдержал ответственности, собрал вещи и сбежал, бросив её одну.

Странно, как работает память, думала Лада, глядя на огоньки свечей. Она не хранит события, как фотографии в альбоме. Она их перерисовывает каждый раз, когда ты к ней обращаешься. И с каждым годом картинка становится всё более... удобной. Для той версии реальности, в которой ты живёшь.

— Лада, у нас закуска кончилась, — Соня вернула её в настоящее, постукивая пустой тарелкой. — Есть ещё те самые, фирменные огурчики?

— Конечно, — Лада вздохнула, поднимаясь из-за стола. — Сейчас спущу. Они в погребе, на дальней полке.

Олег их терпеть не мог, называл «бабушкиным балластом», но Лада раз в год тайком заказывала у одной старушки на рынке. Просто чтобы чувствовать связь с прошлым, которого уже нет.

Она взяла со столешницы мощный светодиодный фонарик и направилась в коридор.

— Только не задерживайся! — крикнула ей вслед Василиса. — А то мы тут без тебя весь его генофонд обсудим!

Подруги рассмеялись. Лада улыбнулась в ответ, но как только тяжёлая утеплённая дверь погреба с тихим шипением доводчика захлопнулась за её спиной, веселье оборвалось.

Внизу было тихо. Слишком тихо. Гул дождя и голоса подруг исчезли мгновенно, словно их выключили пультом. Воздух здесь всегда был прохладным, но сегодня в нём висела странная, густая тяжесть. Пахло не просто сыростью, а чем-то знакомым до тошноты: мокрым кирпичом, старой древесиной и... свежим, настырным запахом укропа.

Странно, подумала Лада, наморщив нос. Укроп мы в этом году не закатывали. Откуда этот запах?

Она включила фонарик. Луч света выхватил ряды аккуратных стеклянных банок на новых металлических стеллажах. Пол был залит ровным, чистым бетоном. Всё было современно, безопасно и скучно. Банка с огурцами стояла на самой верхней полке, у дальней стены.

Лада встала на нижнюю ступеньку небольшой деревянной стремянки, которую Олег забыл здесь после поклейки обоев, и потянулась вверх. Пальцы коснулись холодной металлической крышки. Она обхватила банку и дёрнула на себя.

В этот момент раздался тихий, предательский треск.

Стремянка не просто пошатнулась. Одна из её ножек соскользнула с раскрошившегося края бетонной плиты. Лада ахнула, потеряла равновесие и полетела вниз.

«Ну вот, — пронеслось в голове с пугающей ясностью. — Если я сейчас сломаю шею из-за банки с огурцами, Олег будет в бешенстве не из-за моей смерти, а из-за того, что ему придётся объяснять это страховой компании. "Да, она упала. Да, из-за огурцов. Нет, я не смеялся, когда она падала. Я спал наверху..."»

Но удара о твёрдый бетон не последовало.

Вместо этого мир на долю секунды вывернулся наизнанку. В ушах взорвался пронзительный звон, словно лопнула натянутая до предела струна. Давление резко упало, заставив заложить уши и сжаться желудок. Запах сухого бетона мгновенно испарился, сменившись ледяным, обжигающим дыханием сырой земли, гнилого дерева и того самого, невыносимо знакомого укропа.

Лада почувствовала, как её тело проваливается сквозь что-то невидимое, словно она падала не вниз, а сквозь саму ткань мироздания. Её сознание на мгновение раздвоилось: она одновременно видела бетонный пол под собой и чувствовала влажную, пружинистую землю. Она слышала гул дождя наверху и одновременно — тишину, густую и тяжёлую, как вата.

Это и есть смерть? — подумала она с неожиданной ясностью. Или это рождение? Или просто очень неудачный вторник?

Она приземлилась на что-то мягкое и пружинистое. Больно ударилась плечом о шершавую поверхность и охнула. Фонарик выскользнул из рук и погас.

— Чёрт... — прошипела Лада, потирая ушибленное место и пытаясь совладать с внезапно нахлынувшей тошнотой.

Она открыла глаза. Темнота была абсолютной. Но когда зрение немного привыкло к мраку, она поняла: это не её погреб.

Здесь не было бетонных стен и металлических стеллажей. Вокруг возвышались грубые, почерневшие от времени бревенчатые стены, покрытые белесым налётом плесени. Пол был земляным, усыпанным прелой соломой. А лестница была старой, шаткой, с перилами, обглоданными временем и, судя по всему, мышами.

Сердце Лады пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Паника, холодная и липкая, поползла по спине.

Галлюцинация. Удар головой. Нужно наверх, к Олегу, к детям.

Она на ощупь нашла первую ступеньку. Дерево скрипнуло знакомым, забытым до боли звуком. Именно так скрипела эта лестница десять лет назад. Она поднималась медленно, цепляясь за перила дрожащими руками. В конце лестницы виднелась узкая полоска тусклого, желтоватого света.

Это была не современная дверь с кодовым замком. Это была старая, разохшаяся дубовая дверь с облупившейся белой краской. Та самая, которую они с Женечкой планировали заменить в первую же весну, но так и не успели.

Лада толкнула её. Дверь со скрипом поддалась.

Она шагнула на кухню и замерла.

Обои в мелкий жёлтый цветок, которые она ненавидела и содрала в первый же месяц после его исчезновения. Старый кухонный стол с прожжённым сигаретой углом. На стене — бумажный календарь.

Но самым страшным было не это.

За столом сидел мужчина.

На нём был растянутый серый свитер, который она помнила до дыр. Его волосы, когда-то густые и тёмные, теперь были тронуты густой, пепельной сединой. Плечи сгорблены. Перед ним на столе лежала развёрнутая карта района, исчерканная красным маркером, и стопка пожелтевших ориентировок с её молодой, улыбающейся фотографией.

Мужчина медленно поднял голову.

Лада увидела его глаза. В них не было безумия. Только тихая, выжигающая изнутри усталость и тлеющий уголёк надежды, которая в эту секунду вспыхнула ослепительным светом.

— Женечка...? — выдохнула она. Голос предательски дрогнул. Внутри закипала десятилетняя обида, смешанная с иррациональным ужасом. — Какого чёрта ты здесь делаешь? Ты решил вернуться? Спустя десять лет?! Ты хоть представляешь, как мне было одной?!

Мужчина не ответил сразу. Он медленно, словно боясь, что она рассыплется в прах, поднялся со стула. Его руки, покрытые мелкими шрамами и мозолями, которых раньше не было, тянулись к ней.

— Ладуш...? — его голос был хриплым, ломающимся. — Ты... ты упала. Я слышал, как ты упала. Десять лет назад. Я обыскал каждый сантиметр этой земли. Я не бросал тебя. Клянусь... Василиса и Соня завтра опять приедут, мы будем прочёсывать овраг за домом. Мы не перестали искать...

Лада попятилась назад, к двери погреба. Её разум отказывался принимать картину.

И вдруг, сквозь толщу пола, сквозь стены этого невозможного дома, до неё донёсся звук. Приглушённый, далёкий, но абсолютно отчётливый.

Звон бокалов. И смех Василисы: «...весь его генофонд обсудим!»

Они были там. В её реальности. В её отремонтированном доме, с её детьми наверху и мужем в спальне. А она стояла здесь, перед человеком, которого считала предателем, и понимала одну леденящую душу истину.

Она не вернулась домой. Она провалилась в трещину мира.

В ту самую ветку реальности, где десять лет назад, оказывается, исчезла она, а не он...

Глава 2

Мозг Лады работал в аварийном режиме, выдавая одну гениальную мысль за другой, словно это был не стресс, а распродажа в магазине идей со скидкой девяносто процентов.

Так, Лада. Выдохни. Ты упала. Ты ударилась головой. Это очень подробный, очень жестокий стрессовый сон. Сейчас ты моргнёшь, и перед тобой снова будет бетонный пол, умный дом и Соня, доедающая твой сыр.

Она моргнула.

Женечка всё ещё стоял перед ней, протягивая дрожащие руки. Жёлтые обои никуда не делись. И запах укропа бил в нос с такой силой, что хотелось чихать и одновременно плакать.

Странно, как работает реальность, подумала Лада с неожиданной ясностью. Когда ты ребёнок, мир кажется огромным и бесконечным. Когда взрослеешь — сжимается до размеров квартиры, работы и маршрута до магазина. А сейчас, похоже, он сжался до размеров этой кухни с обоями в цветочек.

— Нет, нет, нет! — взвизгнула Лада, отшатываясь от него, как от зомби в дешёвом хорроре. — Это не сон! Мне нужно обратно! Олег меня убьёт!

Она рванулась к двери, схватилась за облупившуюся ручку и дёрнула на себя.

Ничего. Ручка ходила ходуном, но дверь словно выросла в косяк. Лада навалилась на неё всем весом, пнула ногой и снова дёрнула.

— Откройся, ты, кусок гнилого дуба! — закричала она, чувствуя, как к глазам подступают горячие, злые слёзы. — У меня там дети! Егору семь, Анне пять! Они проснутся, а меня нет!

— Ладущ, стой! Ты же расшибёшься! — Женя бросился к ней, перехватывая её руки. Его ладони были грубыми, горячими и пугающе реальными. — Успокойся, пожалуйста. Ты упала. Ты, наверное, сильно ударилась головой. У тебя шок или... или амнезия. Сейчас я принесу воды и холодное полотенце.

— Какая к чёрту амнезия, Женя?! — Лада вырвалась и ткнула ему в грудь указательным пальцем. — Я помню всё! Я помню, как ты сбежал десять лет назад! Я помню, как я одна платила за этот сарай! Я помню, как вышла за Олега, потому что он, в отличие от некоторых, не исчезает в подвалах по щелчку пальцев!

Женя отшатнулся, словно она ударила его. В его глазах мелькнула такая дикая, неприкрытая боль, что Лада на секунду подавилась собственной тирадой.

«Боже, что я наделала?» пронеслось у неё в голове. Я попала сюда на машине времени, а веду себя как бывшая жена из мыльной оперы.

Но отступить было некуда.

— Я не сбегал, — тихо, но твёрдо сказал он. — Я спустился за тобой через три секунды после того, как ты упала. Там была только пустота. Я рыл землю руками. Я обшарил всё в радиусе ста километров. Я не спал нормально десять лет, Лада.

Он медленно подошёл к столу, взял со стула свою старую, потрёпанную куртку и достал из внутреннего кармана бумажник. Вытащил оттуда сложенный вчетверо листок и протянул ей.

Лада взяла его дрожащими пальцами. Это была её собственная фотография. Та самая, что была на ориентировке. Но на обороте знакомым, слегка неровным почерком Жени было написано: «Лада. 14 октября. Нашёл в её кармане перед тем, как она исчезла. Я найду тебя. Клянусь».

Сердце Лады ёкнуло. Она провела пальцем по чернилам. Они были старыми, выцветшими.

Время, подумала она. Время — это не река. Это дерево. И иногда, если очень сильно захотеть, можно перепрыгнуть с одной ветки на другую. Только вот вопрос: зачем? И как потом вернуться обратно?

— Ладно, — выдохнула она, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Допустим. Допустим, ты не врешь. И допустим, что я каким-то чудом провалилась в... в параллельную реальность, где время застыло или пошло по другому пути.

Она лихорадочно полезла в карман своих домашних джинсов и достала смартфон. Экран загорелся ярким, чужеродным светом в полумраке кухни.

— Смотри, — она ткнула ему в лицо устройством. — Видишь это? Это телефон. Смартфон. У нас таких ещё не было, когда я «исчезла».

Женя прищурился, разглядывая светящийся прямоугольник с подозрением, с каким обычно смотрят на бомбу замедленного действия. Он и сейчас не понимал что в руках Любимой. Его жизнь остановилась лет десять назад...

— Это что, новый калькулятор? — осторожно спросил он.

Лада фыркнула, несмотря на весь ужас ситуации.

— Да, Женечка, это супермегакалькулятор, который считает мои нервные клетки. Смотри сюда.

Она разблокировала экран, открыла галерею и быстро пролистала сотни фото, пока не нашла нужные. Она развернула телефон к нему.

На экране был семилетний Егор, беззубо улыбающийся во весь рот, с мороженым на носу. Следующее фото: пятилетняя Анна в костюме принцессы, сжимающая плюшевого медведя. И третье фото: они все вчетвером на море. Лада, смеющаяся, Олег с пивным животиком и загорелыми руками, обнимающий её за плечи, и двое детей.

Женя смотрел на экран. Его лицо побелело. Он протянул руку, но не коснулся стекла, словно боялся обжечься.

— Это... это ты? — его голос дрогнул. — Ты выглядишь... старше. Но счастливее. А это... это дети? Твои?

— Мои, — отрезала Лада, и в горле снова встал ком. — Егор и Анна. И мне нужно к ним. Прямо сейчас.

Она снова бросилась к двери погреба, но Женя оказался быстрее. Он встал между ней и дверью, преграждая путь. Не агрессивно, но решительно.

— Нет, — сказал он. — Ты не пойдёшь туда снова. Ты только что упала. Ты в шоке. Если там действительно... то, что ты говоришь, ты не можешь просто так взять и прыгнуть обратно. А вдруг ты исчезнешь навсегда? Или умрёшь?

— А вдруг я уже умерла?! — закричала Лада. — Женя, пусти! У меня там муж, который, может быть, уже звонит в полицию, потому что я не выхожу из погреба уже полчаса!

— Прошло десять лет, Лада! — крикнул он в ответ, и в его голосе прорвалось отчаяние. — Для меня прошли десять лет! Ты не можешь просто перечеркнуть это, показав мне картинки в калькуляторе!

Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Десять лет любви, десять лет обиды и десять лет одиночества столкнулись в этой тесной, пахнущей укропом кухне.

Любовь, подумала Лада с горечью. Любовь — это не когда ты находишь идеального человека. Это когда ты находишь того, кто готов ждать тебя десять лет, даже если ты этого не просила.

И вдруг тишину разорвал звук.

Снаружи, за окном, хрустнула гравийная дорожка. Яркий свет автомобильных фар скользнул по жёлтым обоям, выхватив из мрака пылинки, танцующие в воздухе. Дверца машины хлопнула.

А затем раздался голос. Немного гнусавый, громкий и до боли знакомый.

— Женечка! Ты дома? Не спишь? — донеслось с крыльца. — Я привезла тебе пирог с капустой и новые распечатки! Я в этот раз три группы в «Одноклассниках» обшарила, нашла ещё двух женщин, похожих на Ладку! Одна вообще в Твери живёт, представляешь? Я тебе фотки на планшете покажу, там одна — ну прямо вылитая она в тридцать лет! Только волосы рыжие, но мы же знаем, что она могла перекраситься! Женечка, открывай, у меня пирог стынет!

Лада замерла. Её кровь превратилась в лёд.

Это была Василиса.

Но не та Василиса, которая пять минут назад смеялась над генофондом Жени за бокалом глинтвейна в её, Ладином, современном доме. Это была Василиса из этого мира. Та, которая десять лет верила, что Лада мертва или пропала без вести. Та, которая сейчас стояла за дверью с пирогом и распечатками из соцсетей, готовая войти и увидеть... кого? Призрак? Галлюцинацию от горя?

Боже, — подумала Лада с внезапной, пронзительной ясностью. — Она до сих пор ищет меня. Десять лет. В группах пропавших без вести. В «Одноклассниках». По фотографиям незнакомых женщин. Она не сдалась. А я всё это время думала, что она меня осуждает.

Как же мы все ошибаемся друг в друге. Как же мало мы знаем о том, что происходит в головах у тех, кого считаем близкими.

Женя медленно перевёл взгляд с двери на Ладу. В его глазах читался немой вопрос: «Что мы будем делать?»

Лада посмотрела на дверь, потом на смартфон в своей руке, экран которого погас, оставив их в полумраке.

— Чёрт, — прошептала она. — Я даже не знаю, как объяснить ей, что я не сошла с ума.

Она схватила смартфон и нырнула в кладовку рядом с кухней, притворив дверь ровно в тот момент, когда входная дверь дома скрипнула, впуская в холодный, пахнущий укропом вечер тёплый, живой голос Василисы:

— Женечка, ты где? Я тут пирог принесла, горячий ещё! И смотри, что я нашла — вон та женщина из Твери, она вообще-то замужем, но вдруг это Лада под чужим именем? Я ей в личку написала, она пока не ответила, но ты не переживай, я добьюсь!

Лада, сидя на корточках среди старых банок и пыльных коробок, зажала себе рот ладонью, чтобы не рассмеяться и не заплакать одновременно.

Вот оно, — подумала она. — Настоящая любовь — это не стихи при луне. Это когда твоя подруга десять лет пишет в личку незнакомым рыжим женщинам из Твери, потому что не может смириться с тем, что ты исчезла.

А где-то там, за стеной, на кухне, уже накрывали на стол. И пахло пирогом с капустой. И тёплым тестом. И десятью годами, которые нельзя вернуть, но можно хотя бы разделить с теми, кто ждал.